

Отзыв

официального оппонента на диссертацию Евгения Вячеславовича Матвеева «Всесоюзное добровольное общество любителей книги (1974-1992): “организованное чтение” в контексте позднего советского общества» представленную на соискание ученой степени кандидата исторических наук по специальности 5.6.1 – Отечественная история (исторические науки)

Представленная диссертация ставит в центр исследования историю Всесоюзного добровольного общества любителей книг от его зарождения до распада. При этом ВОК становится своеобразной призмой, через которую автор предлагает посмотреть на «длинные семидесятые» и позднесоветское общество. Можно только одобрить такой подход, ибо он позволяет существенным образом расширить поле исследований позднесоветского периода. Традиционно в центре внимания исследователей оказываются сюжеты, связанные с политической или социальной историей, определяющие «большие события». При этом в их тени оказывается множество акторов, которые не влияли на генеральную линию партии, но были тесным образом связаны с различными низовыми практиками, охватывающими миллионы людей. Хотя представленную диссертацию нельзя рассматривать как пример антропологического подхода к советской истории, институциональный анализ позднесоветских институтов позволяет выявить важные элементы большого исторического пазла. В доказательство важности такого подхода можно упомянуть большой исследовательский проект, реализуемый на базе НИУ ВШЭ «Социальная антропология институтов позднего СССР» и нацеленный именно на осмысление деятельности различных институтов в послевоенный период.

Сама диссертация имеет традиционную структуру, которая соответствует всем формальным требованиям. Во введении автор обосновывает актуальность работы и определяет объект и предмет исследования. Отметим, что объект исследования сформулирован следующим

образом: «Объектом исследования является институт массовых добровольных обществ в 1970–1980-х гг.» (С. 5). Это важно, поскольку определяет общую логику исследования, к чему следует вернуться несколько позднее.

Несомненным достоинством работы является обширный историографический раздел. Евгений Вячеславович представил широкий перечень работ, которые были использованы в его диссертации. Достоинством работы можно назвать обращение не только к отечественной, но и к зарубежной историографии, а также ссылки на работы, вышедшие в последние два-три года. В историографическом разделе выделяется три блока работ: 1) работы, посвященные феномену позднесоветскому, причем в самом широком смысле, ибо туда попадают исследования на весьма разноплановую тематику - от концептуальных исследований А. Юрчака и О. Хархордина до более специализированных книг А. Ивановой и Н. Лебиной; 2) работы, раскрывающие роль книги в Советском Союзе; 3) исследования о различных советских институциях и, прежде всего, о добровольных обществах. Вне всякого сомнения, от такого разнопланового историографического обзора работа только выигрывает и не только показывает начитанность автора, но и может стать удобным подспорьем для других молодых авторов, которые смогут оттолкнуться от этой суммы трудов, собранных в одном месте. Но, к сожалению, при все плюсах есть и минус, который, к сожалению, портит впечатление не только от этой диссертации, но и от многих других. Если прочитать всю диссертацию целиком, то становится очевидным, что практически ни одна из перечисленных работ в основном тексте не цитируется. В результате возникает закономерный вопрос: если в исследовании работы не используются, зачем их так подробно освещать во введении, а если они в работе были использованы, то почему не обозначены ссылки на них в тексте?

Подобную проблему можно обнаружить и в методологическом разделе. Так, на с. 28 читаем: «Кроме того, опорой для исследования выступают концепции перформативного сдвига, «сообществ своих», вненаходимости

А.В. Юрчака» (С. 28). При этом все примеры использования этих понятий можно обнаружить только во введении, но не в основном тексте диссертации. При этом, описывая различные аспекты читательских практик, Евгений Вячеславович упирается в необходимость или использовать, или оспорить концепции А. Юрчака, но он этого не делает. В качестве еще одного недостатка методологического раздела выступает некоторый формализм в его оформлении. Очевидно, что некоторые подходы автор ценит, а некоторые нет. Так, дискурсивный анализ по Э. Лако и Ш. Муффу расписан достаточно подробно, даже с указанием генеалогии. А при описании типологического, системного, структурного метода, проблемно-хронологического подхода отсутствуют ссылки на источники, из которых автор черпал понимание указанных методов исторического исследования. Создается впечатление, что автор воспринимает их как некие аксиомы для всех историков.

Объемным и основательным выглядит список использованных источников, что еще раз доказывает глубину проделанной работы. Ядром источниковой базы выступают архивные материалы, в работе были задействованы фонды четырех архивов как федерального, так и регионального уровня. Хотя хотелось бы увидеть материалы не только из архивов Пермского края, но и из соседних регионов. Помимо этого, автор использует устные интервью: «На данный момент автором исследования собрано 22 глубинных интервью (2014–2021 гг.). В качестве респондентов выступили бывшие члены ВОК из Перми, Москвы, Самары, Иваново и других городов. Более половины информантов являются работниками библиотек, двое – представителями творческих профессий, трое занимали штатные должности в Обществе» (С. 33). Это существенным образом обогащает работу, поскольку позволяет выявить множество моментов, которые по разным причинам не попали в письменные документы и не отложились в архивных коллекциях. Семь лет работы и достаточно представительная география позволяют активно включать полученные данные в анализ деятельности общества.

В первой главе «Читательская культура и государственная политика в сфере печати в 1960-е – первой половине 1980-х гг.» автор показывает процесс трансформации культуры чтения начиная с 1960-х годов. На фоне роста общего благосостояния и урбанизации происходит расширение роли книги и чтения в жизни советского общества. Усиление автономности позднесоветского субъекта приводит к тому, что он все чаще оказывается в пространстве вменяемости. Одним из таких пространств становится личная библиотека, которая отражает не только статус владельца, но и его личные интересы. Создание ВОК становится инициативой сверху для удержания читателей в нормативных границах и сохранения контроля над ними. В главе дан контекст формирования ВОК в позднесоветский период. Наиболее интересной частью этой главы является анализ практик получения книг в обмен на сдачу макулатуры. Показано, что вместо заботы о природе на первый план вышла охота за наиболее ценными изданиями, что еще больше увеличивало книжный дефицит в стране.

Вторая глава «От инициативы до третьего съезда (1973–1984 гг.): Всесоюзное общество книголюбов как массовая советская организация периода “длинных семидесятых”» посвящена тому, как функционировало ВОК. Автор выделяет несколько волн создания общественных организаций в СССР. Создание ВОК включается в массовое возникновение добровольных обществ. В 1957 г. было учреждено Всероссийское хоровое общество (далее – ВХО), а в 1965 г. – Всероссийское общество охраны памятников и культуры (далее – ВООПиК) и Всесоюзное общество филателистов (далее – ВОФ). ВОК стало самым крупным добровольным обществом, учрежденным в период «длинных» семидесятых. ВОК стремилось выработать общие правила игры для советского гражданина по обращению с книгой и домашней библиотекой. Одной из главных проблем был книжный дефицит, и многие члены ВОК стремились использовать организацию для решения этих проблем. Таким образом, происходило столкновение стратегий и тактик, по терминологии М. де Серто.

Третья глава «Общество любителей книги перед лицом альтернатив и перемен» распадается на два слабо связанных между собой сюжета про сотрудничество со странами Восточного блока и про закат и распад ВОК. Оба параграфа имеют свою ценность в структуре работы, но, скорее, требуют большего развития. Анализируя отчеты ВОК о контактах с социалистическими странами, автор показывает, что для Восточной Европы в большей степени был характерен контроль через систему распространения книг, в то время как в СССР ВОК не ставило задачу снабжать читателей книгами, с этим советские граждане должны были справляться самостоятельно, но учить их обращаться с купленной книгой. В условиях краха советской системы, возможно, отсутствие навыков коммерческой деятельности и неспособность вписаться в новые условия обусловила кризис ВОК без поддержки со стороны государства.

Выводы, которые автор делает в ходе работы, представляются обоснованными и аргументированными. Следует согласиться с оценками Е.В. Матвеева, что растущий спрос населения на товары и услуги не совпадал с запланированным заранее и спущенным сверху предложением, а также возможностями промышленности (С. 212). Важный вывод, который делает автор, - наличие множественных мотиваций у членов общества. При этом система отчетов требовала постоянного роста членов, что приводило к формальному включению коллективов организаций и снижало эффективность работы общества. Реальная деятельность ВОК выходила за рамки изначально предписанного функционала. Из инструмента переформовки «нового» читателя и регулирования сферы чтения организация книголюбов трансформировалась в гибридный институт. Все это на конкретном примере ВОК показывает различные черты функционирования советского общества и системы. Поэтому представленная диссертация, несомненно, станет элементом большой дискуссии о позднесоветском.

Признавая высокий уровень работы Е.В. Матвеева, следует обратить внимание и на ряд проблемных мест диссертации:

1) В ходе работы автор пишет про читательскую культуру в единственном числе. Исходя из текста диссертации складывается представление, что автор говорит о наличии некой универсальной читательской культуры, характерной для всех жителей СССР. На мой взгляд, следовало бы попытаться выделить различные типы читательской культуры, показать многообразие читательского опыта позднего СССР. Как минимум и сам автор, говоря о среднем читателе (С. 40), предполагает, что раз он находится посередине, то должны быть носители высокой и низкой читательской культуры? Да и сами источники говорят о том, что читателей делили на определённые группы (С. 155). Можно ли определить возрастные или гендерные характеристики читательской культуры?

2) Говоря об институциональной истории ВОК, автор зачастую прямо следует источникам, что создает определённые лакуны в диссертации. Так, остается непонятной предыстория создания ВОК: складывается впечатление о самозарождении этой организации внутри советской системы. Но можно предположить, что кто-то из партийно-государственного аппарата должен был осознать изменения в практике чтения и выступить с инициативой по этому поводу.

Также остается за кадром взаимодействие ВОК с партийно-государственными структурами. Автор обозначает ВОК как проводника официального дискурса, но в то же время не ясно, как институционально ВОК было встроено в советскую систему. Кто был куратором и ответственным человеком в обкоме или в ЦК КПСС за связи с ВОК? Есть ли примеры прямого контроля со стороны партийных или государственных органов над ВОК?

3) Многие важные моменты только фиксируются в диссертации, но не находят объяснения. Если автора интересует читательская культура, то следовало дать анализ: почему одни авторы пользовались популярностью, а другие нет? почему фантастика смогла объединить вокруг себя особый тип людей? что советские люди ждали от книг? Определенные сомнения вызывает и идея о том, что только в позднем СССР книга начинает играть

развлекательную роль, в то время как государство всегда стремилось к политическому воспитанию. В этом контексте можно вспомнить призыв Н. Бухарина создать «красного Пинкертона», и даже после закрытия этого проекта развлекательная литература сохранялась в рамках соцреализма.

4) При чтении диссертации сложилось впечатление, что автор не критично относится к данным советской статистики. В работе она воспроизводится без всякой рефлексии по поводу приводимых данных. В результате возникают странные выводы. Так, отмечается, что в Латвии плотность читателей была почти в три раза меньше, чем в Узбекистане, при этом делается вывод, что показатель зависит от уровня промышленного и культурного развития региона (С. 120-121). Можно ли Латвию считать в три раза более отсталой республикой, чем Узбекистан, остается большим вопросом.

5) Главной проблемой работы, на мой взгляд, является то, что автор стремится решить две разные задачи и совместить в одном тексте два разных исследования. С одной стороны, речь идет про институциональную историю добровольного общества. В этом ракурсе необходимо ставить вопрос о специфике понятия добровольности в СССР, сравнивать ВОК с другими организациями, рассматривать принципы формального и неформального управления и т.д. С другой стороны, речь идет о читательской культуре, и тут возникают совершенно иные контексты. Необходимо более пристально рассматривать и толстые журналы, от которых автор достаточно формально отказывается, бюджеты времени позднесоветских граждан, как меняется потребление книги с активным развитием телевидения в позднем СССР и общемировой контекст чтения. Естественно, это два разных пути, которые требуют места и контекста, что практически нереально сделать в рамках одной кандидатской диссертации. В результате и возникает ситуация, при которой происходит расфокусировка оптики исследования и многие вопросы остаются без ответов.

Несмотря на отмеченные недостатки необходимо признать высокий уровень исследования и самостоятельной проделанной работы. Проведенный анализ позволяет утверждать, что диссертация Е.В. Матвеева является самостоятельной квалификационной работой, она представляет собой исследование актуальной исторической проблемы, характеризуется научной новизной и практической значимостью, отвечает квалификационным требованиям, предъявляемым к кандидатским диссертациям, и соответствует пп. 9–11, 13, 14 «Положения о присуждении ученых степеней», утвержденного постановлением Правительства Российской Федерации от 24 сентября 2013 г. № 842 (с изменениями от 28 августа 2017 г.) (с последними изменениями, внесенными постановлением Правительства Российской Федерации от 01 октября 2018 г. № 1168). Диссертант Евгений Вячеславович Матвеев достоин присуждения ученой степени кандидата исторических наук по специальности 5.6.1 – Отечественная история (исторические науки).

Официальный оппонент

кандидат исторических наук (07.00.02 – Отечественная история), доцент
доцент Школы исследований окружающей среды и общества ФГАОУ
ВО «Тюменский государственный университет»

Фокин Александр Александрович

Федеральное государственное образовательное учреждение высшего образования «Тюменский государственный университет» (ФГАОУ ВО «Тюменский государственный университет»), Министерство науки и высшего образования Российской Федерации

625003, Тюмень, ул. Володарского

Тел: 8 (3542) 597429

E-mail: common@utmn.ru

Сайт: www.utmn.ru

ПОДПИСЬ ЗАВЕРЯЮ:
Ученый секретарь Ученого совета
Э.М. Лимонова

16.05.2022